

Вячеслав Киселев

ДОНБАСС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Цикл книг "Викинг"

Вячеслав Киселев
Викинг Книга 2 Донбасс
Серия «Викинг», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70300834

SelfPub; 2024

Аннотация

Его позывной «Викинг», он бывший старший лейтенант Сил специальных операций и действующий «музыкант». Он защищал страну в Сирии, Африке и на Донбассе. Волею судьбы он и его боевые товарищи оказались в Российской империи образца 1768 года. В судьбе страны грядут большие перемены, и они не собираются стоять в стороне. Есть шанс повернуть развитие России в лучшее русло, но для этого нужно пробиться в элиту. Значит они пробьются!

Содержание

Глава 1	4
Интерлюдия Бендеры	11
Глава 2 Да здравствуют разгильдяи!	13
Глава 3 О вреде пьянства	19
Глава 4 Барракуда	25
Глава 5 Капитан...	30
Глава 6 Корсика	39
Глава 7 Таинственный груз	48
Интерлюдия Зимний дворец	54
Глава 8 по лезвию тесака	58
Глава 9 Путь домой	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вячеслав Киселев

Викинг Книга 2 Донбасс

Глава 1

Османская империя.
Бухарест
Ставка Великого визиря
1 декабря 1769 года.

Оказывать туркам сопротивление я, естественно, не соби-
рался, бессмысленные действия никогда меня не привлека-
ли, да и заламывать мне руки никто стал – статус российско-
го посланника все-таки сработал в мою пользу. Гвардейцы
из охраны великого визиря вежливо и молча проводили ме-
ня в отдельное помещение в здании, где размещалась ставка
Сулейман-паши и заперли. Увидев в углу комнаты гору по-
душек и одеял, я последовал старому солдатскому принципу
«есть возможность – ешь и спи до отвала, неизвестно когда
в следующий раз придётся». Поэтому я, совершенно не ис-
пытывая душевных мук, завалился на подушки и мгновенно
«отрубился».

Меня никто не тревожил и я проспал до вечера. Проснув-
шись, постучал в дверь и объяснил знаками охраннику, что

мне нужно «до ветру». К моему возвращению в «камеру», меня уже ждал вполне приличный ужин – жареная курица, лепешки, какие-то восточные сладости и чай. Жить можно! Правда неизвестно сколько по времени?

Следуя все тому-же старому солдатскому принципу, я наелся до отвала и завалился обратно на подушки. На дворе была уже почти ночь, но спать мне не хотелось совершенно и можно было спокойно пораскинуть мозгами, в переносном смысле конечно, и определиться с дальнейшими планами на жизнь.

Ну, во-первых, за Доброго и Гнома я мог абсолютно не волноваться. Дворянство уже получено, по результатам заключения мирного договора получают еще каких-нибудь «плюшек», планы работы в общих чертах сверстаны, деньги имеются, да и Потемкин их без присмотра и помощи, уверен, не бросит. На этом фронте можно быть спокойным.

Теперь, что ждет меня? На этот вопрос, думаю, следует отвечать через призму того, что стало причиной этого, так сказать, происшествия. Случайным, то, что произошло со мной мог бы назвать только чрезвычайно наивный человек, однако я к этой прекраснодушной категории человечества не относился. Значит, учитывая мой статус, «замутить такую байду» могли только два человека в Османской империи – великий визирь и султан.

Зачем это великому визирю? Вариантов просматривалось несколько: это и мелкая месть уязвленного ходом и резуль-

татами переговоров тщеславного человека, и попытка задобрить султана, расстроенного территориальными потерями, преподнесением ему головы человека захватившего Крым, и использование меня в качестве заложника для получения какого-нибудь выкупа или преференций, и самый на мой взгляд вероятный вариант – попытка перетянуть меня на свою сторону кнутом или пряником или, на крайний случай, пытками узнать секрет оружия, которым была уничтожена эскадра в Кафе. Собираясь на переговоры в ставку великого визиря, я и представить себе не мог такое развитие событий. Если мне удастся выйти из этой передраги живым, нужно как следует усвоить этот урок!

Ладно, будем считать, что с великим визирем разобрались, а что султан? Здесь вообще никаких предположений не просматривалось – где я и где султан! Да и получить команду от султана великий визирь никак не успевал, не стал бы он в первый же день нашего приезда в Бухарест посылать гонцов к султану и спрашивать у него – «А не арестовать ли нам о солнцеликий султан великого и ужасного графа Крымского, коль уж он сам пожаловал в наши руки». Полный бред!

Значит останавливаемся на самостоятельности великого визиря. Чем это мне грозит? С османскими законами я, конечно, не знаком, но здесь, если не рассматривать мой добровольный переход на сторону османов, вариантов тоже немного, и самый приемлемый для меня это использование в качестве заложника, потому как все остальные, вероятнее все-

го, должны закончиться пытками и пластической операцией, в виде отсечения головы, что меня совсем не устраивает. Теперь, определившись с перспективами, можно подумать и о плане действий. А здесь вообще все просто – надо «рвать когти»! На таких, весьма «жизнеутверждающих», мыслях я уснул.

Следующие три дня меня тоже никто не тревожил, но вывели в туалет и приносили еду исправно. Видимо, это была пытка неизвестностью! Наивные «чукотские юноши» – я для себя уже все решил и мне их неизвестность была до одного места. Я отсыпался, отъедался, поддерживал физическую форму, а также оценивал систему охраны и прорабатывал варианты побега. Пока подходящего момента не вырисовывалось, да и вообще попытка побега из ставки, кишащей охраной, выглядела авантюрой. Что ж – подождем! На четвертый день, после обеда, меня привели в кабинет великого визиря, в котором мы проводили переговоры. Зайдя в кабинет, я молча сел на стул, стоящий посреди комнаты, и стал ждать когда Сулейман-паша начнет разговор.

– Как спалось граф? – поинтересовался великий визирь.

– Прекрасно эфенди! – улыбнулся я, – Ты пригласил меня поинтересоваться как мне спалось?

– Ты странный человек граф, ничего не спрашиваешь, не

грозишь карой со стороны русского царя, только ешь, спишь, а в перерывах делаешь странные движения! Тебе неинтересно, что будет с тобой?

– То, что необходимо тебе эфенди, ты мне и так скажешь, а что захочешь скрыть – скроешь, как на это повлияют мои вопросы?

– Правда в твоих словах есть граф! Хорошо, не будем темнить, завтра мы выезжаем в Стамбул, можешь написать письмо на родину, мои гонцы доставят его в Бендеры.

– Спасибо эфенди, писем я писать не буду, если это все я могу идти?

– Даже не поинтересуешься, что ждет тебя в Стамбуле? – продолжил попытку «развода» Сулейман-паша.

– А кто это будет решать, эфенди? – наконец спросил я обрадованного турка.

– Великий султан Мустафа III конечно! – сам попал в свою ловушку великий визирь.

– Тогда какой мне смысл разговаривать с тобой, если ты ничего не решаешь, эфенди? – поддел я его.

Поняв, что опростоволосился, великий визирь с тщательно скрываемым недовольством на лице вызвал охрану и отправил меня обратно в камеру. Набивал себе цену сука, наверняка хотел, чтобы я его попросил «впрячься» за меня перед султаном – думал я по дороге назад. А вот хрен тебе! С такими друзьями и врагов не надо, такие «раскрутят» на то, что им надо и «кинут» без зазрения совести. Ладно, зато есть

хорошая новость – мы едем в Стамбул, а то я уже все бока отлежал и отоспался на год вперед. Занявшись дальнейшим планированием своих действий, я встал перед вопросом – где лучше осуществлять попытку побега, в начале пути, пока мы едем по землям, населенным славянами и расстояние до наших границ не такое большое, или ближе к Стамбулу. Поразмыслив, решил придерживаться гибкой тактики. Если будет явная возможность – сваливать где получится, а если нет – то ехать с комфортом до Стамбула и на подходе попытаться уйти. Чем хорош вариант со Стамбулом – тем, что за длинную дорогу охрана устанет, «глаз замылится» и увидев дом расслабится, а еще там есть море и иностранные, чаще всего генуэзские и венецианские корабли.

Ехали мы и правда с комфортом, в обычной карете. Никаких тебе кандалов, наручников и тому подобного. Охраняли меня постоянно два человека, еще два ехали снаружи и четыре всадника сопровождали мою карету, а карету великого визиря сопровождал эскорт в сотню сабель. Проехав пару дней, я окончательно решил остановиться на варианте со Стамбулом, потому как сбежать на постоялом дворе в дороге конечно можно, только куда потом деваться – бродить по горам, а в огромном городе спрятаться на порядок легче. Поэтому, даже оставаясь моментами практически без охраны, я не «рыпался» и вел себя как паинька, чем одновременно усыплял бдительность своих сторожей. После последнего разговора и моей отповеди, великий визирь мне разговора-

ми не докучал и совсем потерял ко мне интерес, что меня абсолютно устраивало – а то я соберусь «сваливать», а ему поболтать приспичит.

По моим грубым прикидкам до Стамбула было около недели пути и когда на пятый день справа по ходу движения показалось море, стало понятно, что конечная точка нашего путешествия приближается и скоро мне предстоит попытаться отправиться в свободное плавание.

Интерлюдия Бендеры

По возвращению Потемкина в Бендеры Румянцев собрал совет.

– Прошу Григорий Александрович, сказывайте, как прошли переговоры и где граф Крымский? – начал совет Румянцев.

– Ваше высокопревосходительство, господа, переговоры завершились, мирный договор, уверен, что весьма выгодный России мирный договор подписан. Но омрачён сей знаменательный момент арестом графа Крымского за убийство на поединке турецкого офицера! – совсем не праздничным голосом огласил Потемкин результаты поездки.

– Как же так Григорий Александрович, на месте ничего предпринять было невозможно? – заволновался Румянцев, после того как Потемкин кратко рассказал обстоятельства ареста.

– Ваше высокопревосходительство, граф Крымский будучи уверен, что это сознательная провокация, настоятельно просил меня не ввязываться и думать только о выполнении поручения государыни императрицы. По словам великого визиря, графа доставят в Стамбул, ко двору султана, где и будет решаться его судьба, поэтому мне следует немедленно отправляться в Петербург для доклада, только ее величество сможет оказать влияние на это дело!

По окончании совета Потемкину стоило огромных трудов отговорить Доброго и Гнома от безумства, которые узнав, что Викинга арестовали, начали готовить атаку на турецкий лагерь. Убедив парней, что только Екатерина сможет выручить их командира и промедление смерти подобно, Потемкин с Гномом, «упав на хвост» Румянцеву, который будучи главнокомандующим тоже собрался на доклад к Екатерине, направились в Петербург. А Добрый с казаками, как было ранее обговорено, направился в Луганское – «на хозяйство». Теперь, в отсутствие Викинга, все дела в Петербурге Гному придется завершить в одиночку, а дел они запланировали достаточно.

Дождавшись отъезда главнокомандующего, вслед за ним отправился в Петербург и Панин.

Глава 2 Да здравствуют разгильдяи!

За пять дней пути мы наладили отличное взаимодействие с охраной. Никто, никого не понимал, но все справлялись отлично. В дороге я молча смотрел из окна кареты на проплывающий за окном унылый зимний пейзаж. В начале пути, после пересечения Дуная, местность стала гористой и дорога местами была, на мой взгляд, весьма экстремальной для такого трудноуправляемого транспортного средства, как карета. Но моих провожатых это не смущало и ехали мы, если можно так выразиться «с превышением безопасной скорости движения». На третий день местность стала равнинной и однообразной, что называется «глазу не за что зацепиться» – небольшие леса, деревни, поля. А наш распорядок дня был под стать местности – также однообразен. Дневной переход с парой остановок для ухода за лошадьми и отправления естественных надобностей, остановка на ночлег в постоялом дворе и так изо дня в день.

И вот, на закате пятого дня пути мы остановились напоить лошадей на постоялом дворе, находящемся на небольшой возвышенности, и, выйдя из кареты, я увидел Стамбул. Город впечатлял!!! Расположенный на пяти холмах, увенчанных монументальными сооружениями в виде разнообразных

мечетей, весьма живописно подсвеченных красноватым светом закатного солнца, город заполнял все пространство перед нами, как искусно сделанный ковер ручной работы, накинута́й на окруженный водой кусок земли. На северной стороне города, обращенной к нам, городские кварталы разрослись до такой степени, что уже выплеснулись за пределы городской стены и начали расползаться по округе, как клякса на листе бумаги.

Ну вот и доехали, следующая остановка Стамбул, пассажирам приготовиться! Готовиться к высадке я начал заблаговременно, «случайно» порвав утром на постоялом дворе свою черкеску и купив на замену у хозяина не то кафтан, не то халат до колен. Не может же русский посланник ходить в порванной одежде. Кроме того, там же незаметно экспроприировал длинный шарф, обмотав его вокруг пояса. Пойдет для сооружения тюрбана. Первоначально я планировал воспользоваться одеждой охранников, но потом эту идею отверг — одежда янычар приметная, языка я не знаю, встретится по закону подлости сослуживец или командир какой-нибудь и все понеслось... Мне же надо прикинуться «ветошью» и не «отсвечивать».

Через полчаса, когда мы въезжали в город, уже совсем стемнело, что повышало мои шансы на благоприятное развитие событий. Всю дорогу от постоялого двора я изображал из себя туриста увидевшего сразу все семь чудес света, беспрестанно выглядывая в окно и говоря охранникам как я впе-

чатлѐн видом Стамбула, на что они, смотря на меня как на умалишенного, быстро перестали обращать внимания. Я же преследовал вполне конкретную цель, проконтролировать, где будут двигаться всадники из эскорта. И вот, после проезда городской стены пришла пора действовать.

Я всегда говорил, что деньги – зло, и сегодня мои конвоиры смогли на своей шкуре прочувствовать это. Незаметно уронив на пол золотой, я продолжил пялиться в окно. Ближний ко мне охранник, заметив на полу блестящий кругляш, потянулся к нему и получив удар по затылку завалился вперед. Выхватив из висящих у него на боку ножен кинжал, я, движением наотмашь, вскрыл глотку второго конвоира и наступив на спину первого, загнал ему его же кинжал под лопатку. Погнали наши городских!

Еще раз выглянув в окно, я увидел, что улица по которой мы двигаемся довольно узкая, как большинство улочек в старинных восточных городах, и конному эскорту стало невозможно двигаться сбоку кареты – прекрасно. Первая пара двигалась далеко впереди кареты и была полностью выключена из игры, а вторая движется метрах в пятнадцати сзади – это проблема. Ладно, прорвемся, вначале надо с дверью разобраться. Нашуметь я не боялся, под звук подков и колес о булыжную мостовую можно, наверное, из пулеме-

та стрелять, слышно ничего не будет. Потянув посильнее, я преодолел сопротивление дерева и открыл дверь внутрь кареты. Теперь последний этап – увидев, что впереди едущие всадники скрылись из вида, повернув за угол, я понял, что время пришло. Повторив их маневр, карета оказалась вне зоны видимости заднего эскорта, и я покинул изрядно надоевшее мне средство передвижения – теперь счет пошел на секунды. На мое счастье, метрах в пяти от места моего приземления оказалась небольшая подворотня, куда я стремительным броском забросил свое тело, прикрыл голову и лицо шарфом и вжался в угол, будучи готовым мгновенно открыть огонь. Секунд через пять-семь мимо меня благополучно проследовали ничего не заметившие конвоиры, так и не узнавшие, что сегодня проскочили мимо «костлявой». Можно выдохнуть – так я в своей беспокойной жизни напрягался всего пару раз!

Быстро изобразив на голове подобие тюрбана, я двинулся в обратную сторону. Ночь уже вступила в свои права и улицы города были пустынные. Стараясь не суетиться, я сделал еще пару поворотов и вышел на небольшую открытую площадку, на которой смог увидеть мечети на холмах и сориентироваться по сторонам света. Как бы это не было парадоксально, двигаться мне нужно было вслед за своими конвоирами, в центр города – к проливу, там порт и корабли. Стараясь держаться в тени домов, благо луна сегодня была блеклая, частично закрытая облаками, я благополучно про-

шел еще пару кварталов и вдруг мне в глаза бросилась вывеска на дверях достаточно большого двухэтажного здания. Я вначале даже не понял, почему она привлекла мое внимание и немного прошел вперед, и вдруг мой мозг пронзила мысль – вывеска на латинском алфавите. Вернувшись на пару шагов, я увидел, что не ошибся – вывеска была на французском. Французского я не знал, но с учетом моего африканского опыта, текст мог опознать безошибочно. Присмотревшись к тексту я увидел слово «d artillerie», которое даже я могу перевести. На память сразу пришла фраза главного героя фильма «Офицеры», из-за которого я, собственно, и стал офицером – «надо быть крупным идиотом, чтобы не понять слово такси». Так-так, а Потемкин мне рассказывал, что турки перед войной пригласили к себе французских инструкторов, в том числе и по артиллерийской части. Походу дела это и есть та самая артиллерийская школа – даже и не скрываются лягушатники, ну правильно, чего им бояться здесь в Стамбуле, крылатых ракет и дистанционно управляемых мин еще не придумали.

Аккуратно дернув за дверную ручку и убедившись, что дверь заперта, я окинул взглядом здание и высмотрел открытое окно на втором этаже. Отлично! На фасаде здания присутствовало множество архитектурных элементов, позволяющих подготовленному человеку без труда попасть на второй этаж, что я и проделал. Помещение в которое я попал по всем признакам было учебной аудиторией и окно в нем оста-

вили открытым, скорее всего, по недосмотру. Да здравствуют разгильдяи и тунеядцы! Закрыв за собой окно, я выглянул в коридор и убедившись в его пустоте принялся осматривать здание, оказавшееся в итоге учебным корпусом.

Теперь оставалось найти укромное место, где можно будет переждать сутки, пока уляжется первоначальная волна моих поисков. Дальше будем действовать по обстановке. От моих незадачливых конвоиров у меня было две фляги воды, кинжал и два пистолета, так что сутки переждать не проблема, а что касается еды, то как говорил мой старшина в училище – «от голода еще никто не обсирался». Найдя на чердаке укромное место и выставив «охранку» из сломанной мебели, видимо все чердаки, во все времена и во всех мирах вселенной имеют свойство притягивать к себе различный хлам, я спокойно уснул, укрывшись старым тряпьем.

Глава 3 О вреде пьянства

Проснувшись от холода, все же на дворе не май месяц, я согрел себя короткой разминкой и выглянул в слуховое окно, выходящее во двор школы. Здание школы представляло собой квадрат с просторным двором внутри, а открывшаяся передо мной картина была насквозь стандартной для любого военного учебного заведения. Перед строем курсантов, вокруг стоящей перед ними пушки, прогуливался французский офицер с офицерским стеклом в руках и вел занятие, периодически показывая стеклом на различные детали орудия. Рядом с ним ходил переводчик и комментировал все это действие на турецком. Понятно, практические занятия. Созерцанием суеты на плацу я занимался до обеда, попутно пытаюсь выяснить, что в каких отсеках здания находится. И вот ближе к обеду, из правого крыла появились турки с большими парящими котлами и занесли их в корпус напротив меня. Весь двор окутал дурманящий аромат свежеприготовленной еды, от которого у меня началось обильное слюноотделение. Блин, как у классика советского кинематографа – «а в тюрьме сейчас ужин, макароны дают». Ладно, потерпим – зато с планировкой здания разобрались. Справа кухня, прямо столовая, на втором этаже над столовой, наверняка казарма, а слева вероятно французы живут – там пару раз в окнах мелькали их мундиры.

Получив представление о планировке здания, я опять лег спать, как говориться «кто спит, тот есть не хочет». Проспав до вечера, продолжил наблюдение – школа потихоньку затихала, интересно, а вечерняя поверка у них будет? Поверки не было, а может ее провели в «располагае», а вот у французов пока было шумно. В окнах на первом этаже, там видимо была кают-компания на сухопутный лад, виднелся стол с зеленым сукном, за которым велась игра в карты и употреблялись горячительные напитки, и по ходу наблюдения за французами у меня начал появляться план отхода из города.

Что говорит любой народ про другой – непохожий на них народ? Что все иностранцы на одно лицо, китайцы для нас, а мы для китайцев. Значит будем работать под француза, только для этого придется побриться наголо. Мои светло-русые волосы самая яркая примета для разыскивающих меня турок. Продолжив наблюдение за кают-компанией и вторым этажом французского корпуса, я заметил, что один из игроков, примерно моей комплекции, будучи в серьезном подпитии направился к себе в комнату – мой клиент. Оставалось только определиться с путем проникновения в комнату и тут удача опять улыбнулась мне. Француза, видимо, замутило и он распахнул окно, свежего воздуха захотел – это же просто праздник какой-то. Дождавшись, когда остальные жильцы школы успокоятся, я пошел на дело. Выбравшись через слуховое окно на черепичную крышу, я аккуратненько пошел к цели, волнуясь только о качестве черепицы. Но мои

опасения оказались напрасными, крыша была добротная и ни одна черепиценка меня не подвела. Веревки у меня не было, но перед началом движения, я заглянул под карниз и увиденная картина убедила меня в том, что проникновение в комнату с крыши вполне осуществимо. На нижней части карниза отсутствовала сплошная заделка, а напротив каждой стропилины в стену дома уходил брус.

Проникновение в комнату и нейтрализация клиента прошли как «по маслу». Пока клиент отдыхал, я спокойно побрился его отличной опасной бритвой, благо в комнате оказался таз с водой, которой француз не успел воспользоваться ввиду своего «состояния-нестояния», переоделся в его форму, севшую на меня как влитая, и провел «шмон» в комнате. Моей добычей, кроме бритвы, стали пара пистолетов, стилет в ножнах, кошелек с деньгами, подозрительная труба и хронометр, а также стопка чистого белья и дорожный саквояж. Теперь пришла пора потрошения клиента. Сдернув его с кровати, я дал ему по пузу и француза, скрючившегося в спазме, начало выворачивать. Сняв кляп и поставив его на колени головой вниз, чтобы он не захлебнулся, я подождал пока он закончит извергать из себя остатки вчерашнего пиршества и снова сунул ему кляп в рот. Посадив француза на задницу на пол у кровати, подальше от его блевотины, я выплеснул ему

на голову воду из тазика и активно растер ушные раковины. Француз пришел в себя!

Сидящий на полу пленник бешено вращал белками и что-то мычал. Посмотрев на это представление минут пять, я подошел к нему и отвесил оплеуху, одновременно прижав палец к губам. Мой нехитрый жест, подкрепленный стимулом, мгновенно дошел до пленника.

– Ду ю спик инглиш? – тихонько спросил я.

Судя по его реакции, француз по-английски понимал, но решил поиграть в молчанку – хорошо, давай поиграем.

– Ну раз ты ничем мне помочь не можешь! – начал я разговор на английском, – Тогда молись своему лягушачьему богу! – и достал стилет.

Француз засучил ногами, пытаясь отползти, но неудачно, и в момент, когда я схватил его за волосы с намерением перехватить горло, он отчаянно замычал. Хорошо, давай еще раз попробуем.

– Разговариваешь по-английски? Если да, кивни один раз! – повторил я вопрос, увидев в ответ один кивок.

– Сейчас я выну кляп и буду держать стилет у твоего глаза, попытаешься орать или говорить без команды, лишишься глаза, потом второго, если понял кивни два раза! – повторил я вопрос, увидев в ответ два кивка. Контакт налажен!

– Хорошо, звание, имя, фамилия? – начал я допрос.

– Лейтенант Франсуа Дюгарри! – заикаясь пролепетал француз.

– В каком подразделении служишь?

– Полк де ла Фер в Валансе! – продолжил он заикаться.

– В Стамбуле что делаешь?

– Временно направлен в артиллерийскую школу барона де Тодта, для обучения османов! – немного придя в себя, проговорил он.

– В геноуэзском порту бывал? Где он находится?

– Бывал, мы туда приплыли на геноуэзской шебеке. Порт находится в геноуэзском районе Галата, на северном берегу Золотого рога! – запел лейтенант соловьем.

– Доступ в порт свободный?

– Да! – обрадовал меня лейтенант.

Уточнив у лейтенанта еще несколько необходимых мелочей, я сунул ему кляп в рот и посмотрел в глаза. Поняв по моему взгляду, что это конец, француз начал мычать и дергаться. Убивать лейтенанта было неприятно, но ничего не попишешь, моя жизнь против его. Вырубив его ударом по затылку, я пережал ему нос и рот, и через пару минут все закончилось. После я убрал все следы связывания, уложил его в кровать, свесив голову вниз, к луже блевотины, и начал готовить фейерверк. На мое счастье француз курил и версия поджога по пьянке будет самой вероятной при определении причин пожара в школе. Прижав один пистолет ножкой кровати, я насыпал на полку порох и взвел курок, провел пороховую дорожку от пистолета вокруг кровати и к дальнему углу комнаты, к шкафу с вещами, и привязал тонкий шнур,

найденный в вещах француза к спусковому крючку, а в руке француза, опущенной к полу, зажал курительную трубку.

По моим расчетам уже близилось утро и нужно было начинать шоу. Закрепив за спиной саквояж, я вылез обратно на крышу и потянул шнур. Раздался щелчок курка, шипение пороха на полке и пожар быстро ушел в глубину комнаты, как я и рассчитывал. Прикрыв окно, я пошел обратным путем на чердак над учебным корпусом. Дальше было дело техники, мне даже не пришлось лазать по стенам. Спокойно спустившись по лестнице на первый этаж, я открыл в аудитории окно, оказался на мостовой, и приведя себя в порядок, спокойным, уверенным шагом направился куда-то туда.

Глава 4 Барракуда

Хоть лейтенант и объяснил мне примерное направление на порт, куда точно идти было непонятно, к тому же мы не в поле, чтобы взять азимут на ориентир и хреначить к нему напрямую, в городе такое не катит. Поэтому первой задачей было опять выйти на открытое место и сориентироваться по минаретам. Часа через полтора блужданий в стиле «Бриллиантовой руки» я, наконец, вышел к северной оконечности бухты Золотой рог. Выйдя на открытое пространство и покрутив головой, я увидел вдали на западе столб дыма, поднимающийся в воздух – фейерверк в школе удался.

На противоположном берегу бухты виднелся частокорабельных мачт – туда-то нам и надо. Шел я неспешно и к порту подошел уже при свете солнца. Улица по которой я шел вдоль берега, выходила на просторную припортовую площадь, представлявшую собой просто «какофонию» строений. Верфи, склады, лавки и таверны, и в отличие от еще спящего города, здесь жизнь ночью не останавливалась, а рынок уже шумел многоголосьем – то, что доктор прописал. Найти здесь человека дело совершенно безнадежное.

Изначально, я рассчитывал на корабли генуэзцев или венецианцев, как базирующиеся здесь с древнейших времен и единственные, которые свободно чувствовали себя в османских водах. Лейтенант подтвердил мои предположения – для

доставки сюда французов использовались генуэзские корабли, но вот то, что я узнал про флаг генуэзцев поставило меня в тупик. По словам француза, флаг генуэзцев представлял собой белое полотнище к красным крестом, в точности как флаг англичан из того мира. Интересная «загогулина», надо будет разобраться потом с этим вопросом.

Пройдя метров двести вглубь площади, я почуял запах свежеприготовленной выпечки и меня практически парализовало. Занятый разными не очень приятными делами, я совсем забыл, что у меня маковой росинки во рту не было уже больше суток. Повернувшись в нужном направлении, шагов через тридцать я увидел таверну из которой и доносился этот божественный запах. Заказав что-то похожее на большой чебурек с разными наполнителями и чайник чая, я как голодный тигр набросился на еду. Минут через тридцать, «ушатав» четыре тридцати сантиметровых чебурека и несколько стаканов чая, я в блаженном состоянии шел вдоль берега. Пройдя еще метров триста, я увидел то, что мне нужно – генуэзский флаг.

Самым тонким местом в моей легенде о возвращении домой французского офицера, было полное незнание французского языка, что, согласитесь, выглядит немного странно, если не сказать похлеще. И у меня была мысль переодеться на

подходе к порту, взяв кого-нибудь на «гоп-стоп». Но потом я эту мысль забраковал, форма французского офицера это уже пропуск и документы, а приду я в гражданке, кто меня на корабль пустит. Поэтому я решил сработать под поляка, они сейчас вроде с французами «корешатся», который здесь поступил на службу во французскую армию и теперь в первый раз собрался на новую родину. Вроде должно «прокатить», других вариантов все равно не предвидится. Прокручивая в голове интонации, с которыми говорили польские актеры, в единственном просмотренном мною польском фильме, я пошел на приступ корабля.

– Эй, матрос, где капитан? – спросил я у вахтенного матроса, стоящего около трапа.

Не успел матрос ответить, а может и не знал английского, как с кормовой надстройки, на которой находился штурвал, послышался голос.

– Что угодно господину лейтенанту? – прозвучал вопрос на английском.

Повернувшись в ту сторону, я увидел достаточно богато одетого человека, с аккуратной черной бородкой на испанский манер.

– Господину лейтенанту угодно попасть на корабль во Францию! – с гонором ответил я.

Задумавшись на несколько секунд «Дон Кихот», так я про себя прозвал капитана, спросил, то о чем я ранее думал.

– Почему лейтенант французской армии, придя на гену-

эзский корабль, разговаривает по-английски!

– Я польский вояк! (с ударением на о)Бился с москovi-тами! – ответил я, как мне хотелось думать по-польски, и продолжил по-английски, – Я польский офицер, во французскую армию поступил здесь, в Турции, а во Францию еду в свой будущий полк, где и выучу французский! – ответил я громко и, входя в роль, добавил одними губами «Курва».

Видимо, мой перформанс убедил «Дон Кихота», оказавшегося владельцем и по совместительству капитаном корабля, и я ступил на борт небольшого двухпалубного трехмачтового корабля с косыми парусами и двенадцатью пушками, под названием «Барракуда». Отплытие было запланировано на полдень и оставшееся время я просидел в уголке на палубе, стараясь не «отсвечивать». Матросы в это время завершали загрузку корабля грузом и скоро на палубе, заставленной бочками и ящиками, осталось очень мало свободного места. Перед отплытием на корабль заявился турецкий таможенник и внимательнейшим образом пересчитал и проверил весь груз, при этом не обратив на меня никакого внимания. Видимо, за меня страсти мзду с капитана вариантов не было. Так, неспешно, прошло время до полудня, и я отправился в свое первое в жизни морское путешествие, да не просто путешествие, а на путешествие по Средиземному морю на деревянной лодке, на которой, будь у меня выбор, я рискнул бы только по Волге прокатиться.

Когда «Барракуда» вышла из бухты в пролив Босфор, у

меня появилась возможность оценить вид Стамбула со стороны моря. Этот вид куда более впечатлял по сравнению с тем, что я видел позавчера. Находясь у входа в Золотой рог, корабль будто стоит на огромном водном перекрестке, состоящем из, собственно бухты, пролива Босфор, уходящего на северо-восток и выхода в Мраморное море, ведущего корабль на юго-запад. И с этого перекрестка открывается красивейший вид на холмы, застроенные красивыми домами и покрытые садами, которые даже в декабре, с учетом множества вечнозеленых деревьев, не сильно потеряли в красоте, а величие дворцов и минаретов, находящихся на вершинах этих холмов, просто завораживало. Но, как и всегда, для любой бочки меда найдется своя, да и не одна, ложка дегтя. Пройдя пешком практически через весь город, я мог с уверенностью утверждать, что его величественному лицу, соответствует такая же величественная «жопа» в виде узких, кривых, неухоженных, а местами и просто загаженных улиц, обшарпанных домов и, в основном, немощеных мостовых.

А в это время, столб дыма в центральной части города разросся уже до невероятных масштабов...

Глава 5 Капитан...

Через пару часов Стамбул скрылся из вида и я немного расслабился. Вот именно, что немного, потому как, чем больше я присматривался к команде, а именно к ее небольшой части, тем больше они мне не нравились. В разговорах со старпомом, оказавшимся весьма словоохотливым и приятным в общении молодым корсиканцем по имени Антонио Рамолино, выяснилось, что капитан Джованни Агости-ни был генуэзцем, как и еще его несколько приближенных, больше походящих не на матросов, а на телохранителей или вышибал в портовом кабаке, а вся остальная команда была с Корсики, до недавнего времени принадлежавшей Генуе. Такой подход объяснялся разницей в цене труда коренных генуэзцев и островитян – корсиканцы стоили дешевле. Это различие прослеживалось и в отношении между двумя группами – генуэзцы смотрели на корсиканцев свысока и никакими корабельными обязанностями обременены не были, а «Дон Кихот» хоть и назвался капитаном, в управлении кораблем участия фактически не принимал, переложив свои обязанности на Антонио.

Сейчас «Барракуда» следовала в порт Тулона с грузом специй, а потом домой – в Геную, но в носовой части нижней палубы я обнаружил две пустых клетки, явно не для перевозки собак. Значит «Дон Кихот» не брезгует работоргов-

лей, что, в общем, не мудрено. В эти времена, это один из самых прибыльных видов бизнеса, и что-то мне подсказывает, чтобы не стать составной частью этого бизнеса, надо держать ухо в остро. Потому как, я идеальный кандидат на продажу – непонятный поляк пришел в порт и пропал, что называется «концы в воду». Вот почему капитан так быстро и без лишних вопросов взял меня на корабль за весьма умеренную плату.

Как говориться «из огня, да в полымя». Сделав для себя необходимые выводы, мне сразу захотелось убить «Дон Кихота», и не потому, что я кровожадный убийца, а потому, как по моему внутреннему убеждению работорговля была тягчайшим преступлением, за которое следует одно наказание – смерть. Ближе к вечеру Антонио поделился со мной информацией, что утром планируется заход в порт Ханданас на Кипре, якобы для дозагрузки специй. Сделать вывод оказалось несложно – места для дополнительного груза у нас нет, а Кипр последняя турецкая территория, не считая северного побережья Африки, на пути во Францию. Значит на Кипре меня и собираются определить в невольники.

Несмотря на мою готовность к неприятностям, я чуть было не поплатился за секундную расслабленность. Место для сна я себе выбрал в дальнем углу нижней палубы, благо мест

для подвешивания гамаков было с избытком, в котором две стороны для нападения были прикрыты стенами. Всего в команде «Дон Кихота» я насчитал четырех человек – троих вышибал и одного мелкого, постоянно таскающего под мышкой книгу, которого я окрестил для себя «бухгалтером».

После отхода ко сну свободных от вахты матросов, я тоже прошел в свой угол, натянул между столбами тонкий шнур, доставшийся мне от француза, и принялся изображать спящего, что оказалось весьма непросто, так как уснуть по-настоящему на мерно раскачивающемся гамаке было проще простого, а мне предстояло ждать неизвестно сколько. Потеряв счет времени, я периодически тыкал себя в ладонь стилетом, пробуждая себя болью и вдруг слышал грохот падающего тела и громкое ругательство. Заснул все-таки!

Благо хлынувший в кровь адреналин мгновенно пробудил меня и почти спас от неприятностей. Не меняя положения тела, я выстрелил через одеяло в грудь первого вышибалы и, метнув бесполезный пистолет в дальнего, спрыгнул с гамака на упавшего громилу и воткнул ему стилет в печень. В этот момент мое горло обвила веревочная петля и меня дернуло назад. «Бухгалтер» сука! Его я в расчет не брал и увидев троих горилл впереди был спокоен – все на виду, а он падла пробрался в темноте вдоль стены и застал меня врасплох.

Одно хорошо, будущий товар убивать нецелесообразно, поэтому у меня было преимущество, мне не нужно стесняться в средствах. Интуитивно склонив голову вправо я смог из-

бежать прямого удара по затылку, дубинка прошла вскользь, чуть не оторвав ухо и сильно приложив меня по ключице. Изобразив «отключку», я выронил стилет и завалился назад, намереваясь придавить собой «бухгалтера», но не вышло, мелкий пакостник увернулся, выскочив слева, хорошо хоть конец удавки выпустил из рук.

Через чуть приоткрытые веки я наблюдал, как подошел третий громила и мелкий начал на него орать и показывать на убитых товарищей, а не так то прост наш «бухгалтер». Классический итальянский разговор с активной жестикуляцией длился уже минуты две – блин, ну что за люди, дело не доделали, а уже разборки начали, видимо, поэтому они в последних войнах в том мире всегда «выхватывали по сопатке». Закончив воспитательную беседу, мелкий показал на меня и что-то сказал громиле – наконец, а то я уже заждался.

Полоснув наклонившегося ко мне громилу, спрятанной в руке бритвой, по горлу, я откатился в сторону, вскочил на ноги и от души зарядил «в бубен» мелкому. Главное не прибить раньше времени. Приведя оружие в боевую готовность, я поразился реакции команды, все спали как ни в чём не бывало. Это хорошо, лишние трупы мне не нужны, мне домой надо. Удар дубинкой обошёлся мне недорого – большой шишкой и содранной кожей на голове, поэтому сделав мел-

кому «ласточку», я направился для разговора с «Дон Кихотом». Прокрасться к каюте капитана, так чтобы меня не заметил рулевой оказалось проще простого, загроможденная грузом палуба позволяла делать все, что угодно. С капитаном все оказалось легко – он никак не ожидал увидеть меня и смотрел на мою ногу, врезающуюся ему в живот, весьма удивленным взглядом.

Сложившись пополам, капитан рухнул в углу своей каюты. Сделав ему такую же «ласточку», я аккуратно выглянул на палубу и увиденная картина меня весьма порадовала – никого. Удивительно, но факт! Прибарахлившись у капитана еще парой пистолетов, я собрался было идти вниз за мелким, как вдруг услышал сверху взволнованный голос старпома.

– Господин лейтенант, что вы собираетесь делать?

– Это зависит от того, что собираетесь делать вы, господин Рамолино! А вообще, я просто убью всех, кто причастен к работоторговле, кроме простых матросов!

– А если вся команда будет биться против вас, господин лейтенант!

– Тогда вы все умрете, господин Рамолино, я не привык отступать!

Не сказать, чтобы я был так в себе уверен, все же почти тридцать человек это много даже для меня, но шанс у меня был, ведь передо мной были обычные моряки, а не отпетые головорезы. Но все срослось как надо – после моих слов последовало минутное затишье, а потом старпом спросил.

– А что с капитаном и его подручными, господин лейтенант?

– Капитан и мелкий отдыхают связанные, а его громилы убиты! Так, что скажете господин Рамолино?

– Мы не причиним вам вреда, господин лейтенант! Никто из корсиканцев не замешан в работорговле, мы простые моряки!

– Хорошо, я вас понял господин Рамолино, тогда не мешайте мне, я поговорю с капитаном, а потом договорим!

Услышав согласие старпома, я спустился вниз, забрал мелкого, притащил его в каюту капитана и, заперев дверь, начал разговор «по душам». Я, конечно, не такой мастер, как Добрый, но тоже кое-что умею. «Дон Кихот» поплыл быстро, такие напыщенные индюки на поверку обычно оказываются слизняками готовыми на все ради спасения своей драгоценной тушки. Увидев в углу каюты связанного «бухгалтера», капитан сразу начал валить все на него, он ведь сам формально не участвовал в нападении, но после нескольких порезов в районе «мужского достоинства» раскололся и сделал чистосердечное признание. В принципе, ничего нового или сверхъестественного я от капитана не услышал, да и не ожидал услышать – обычный торгаш, не брезгующий ничем и живущий по принципу – лучше денег, может быть только много денег. Корсиканцев он за ровню не считал и к своим делам на привлекал. Выпотрошив его заначки и выложив их на стол, я позвал старпома.

– Господин Рамолино, думаю, что с этого момента вам стоит принять на себя обязанности капитана и владельца судна! – огородил я корсиканца, – Вот деньги бывшего капитана, уверен, что команда поддержит ваше решение разделить их между всеми членами экипажа по справедливости! – показал я на кошель с монетами.

– Господин лейтенант, а что с ним будет? – показал он на «Дон Кихота».

– А что обычно делают с пиратами, господин капитан? – ответил я вопросом на вопрос.

– Обычно вешают на рее, но...! – замялся и машинально взялся рукой за горло Антонио.

– По мне работороговец от пирата ничем не отличается, можно повесить, можно рыбам на корм! Действуйте капитан, а этого сами, если желаете, допросите, он по-английски не понимает! – показал я на «бухгалтера».

Придя к консенсусу и оставив большую часть казны на общекорабельные нужды и закупку товара, мы вышли на палубу и поставили точку в этом деле. Построенной на палубе команде, были предъявлены трупы громил и показания «бухгалтера», данные им в «прямом эфире», о том, что ночью они по указанию бывшего капитана хотели схватить меня и затем продать в Ханданасе, а значит защищаясь, я был

в своем праве. А дальше, новый капитан, как первый после бога, вынес приговор и его быстро привели в исполнение – ядро на ноги и на корм рыбам. Речь капитана Рамолино была, конечно, эмоциональной и вроде как убедительной, но решающий вклад в поддержку со стороны команды, уверен, принесли деньги «Дон Кихота», лежащие на палубе и притягивающие жадные взгляды матросов.

После дележа денег, абсолютно счастливая команда разошлась по своим делам, а я решил переговорить с капитаном. Выдавать себя после произошедшего за француза, зная еще по прошлому миру про их непростые взаимоотношения с корсиканцами, смысла не имело.

– Господин капитан, я не лейтенант французской армии и не поляк, я русский офицер, барон фон Штоффельн, можно сказать был в гостях у великого визиря, но мне не понравилось и пришлось срочно уехать! – второй раз за день, огорчил я Антонио.

– Почему то я не удивлен, господин барон, после того, как вы сегодня собирались один драться со всей командой, а затем отдали мне корабль и поделили деньги между матросами! Я всегда считал сумасшедшими корсиканцев, но, видимо с русскими нам не сравниться, куда прикажете править? – обреченно вздохнул капитан.

– Не вешайте нос Антонио, ничего сверхъестественного мне не требуется, мне просто нужно попасть домой, в Россию! – дружески похлопал я его по плечу.

– До России путь не близкий, мы ведь идем на запад, а в Черное море турки никого не пускают! – перешел на деловой тон Антонио.

– Это мне известно Антонио, предлагаю дойти до Корсики, продать товар, не пропадать же добру, и оформить бумаги на «Барракуду», уверен, у вас там найдутся нужные люди, а то нас еще за пиратов примут. А потом уже решим, как решить мои проблемы – нет возражений?

После смены власти на «Барракуде» у меня была мысль вернуться назад, в архипелаг Киклады, и найти там русские корабли из эскадры графа Орлова, но поразмыслив, я ее отверг. Во первых, корабли надо еще найти, тут этих островов тысячи, во-вторых, не факт, что мне сразу поверят, а в-третьих, пересяду я на наш корабль, преодолев первые два препятствия, и буду здесь болтаться неопределенное время, а у меня куча дел на родине.

– Какие могут быть возражения, господин барон! – пошел отдавать команды обрадованный капитан Рамолино.

Глава 6 Корсика

Повернув на запад, «Барракуда», подгоняемая крепким попутным ветром, споро двинулась к Сицилии. По словам Антонио, они всегда заходили в Сиракузы, когда возвращались домой с востока, у «Дон Кихота» там всегда были какие-то торговые дела, ну и заодно брали свежую воду. Уточнив у него, что автономность «Барракуды» по запасам воды составляет около недели и мы вполне сможем, при хорошем ветре, дойти до Корсики без промежуточных остановок, я сказал ему править сразу домой. При объявлении этого решения команда, не заходившая в родную гавань больше полугода, сильно воодушевилась. Даа, не позавидуешь доле нашего матроса.

Сам Антонио и большинство членов команды «Барракуды» были родом из Аяччо, портового города на западном берегу острова Корсика и одновременно административного центра острова. За оставшиеся два дня пути, не только любящий поболтать, но и весьма начитанный Антонио успел немного погрузить меня и в историю острова и, что было для меня более важным, в сегодняшнюю военно-политическую обстановку на нем.

По его словам, в прошлом году Генуэзская республика, фактически уже не управлявшая островом длительное время, продала Франции права на него. Французы, не собираясь

пускать дело на самотек, прислали на остров свою администрацию и войска. В ответ на это корсиканцы, несогласные с потерей фактического суверенитета, подняли восстание и начали войну с колонизаторами, а этим летом корсиканская армия под руководством Паскуале Паоли потерпела сокрушительное поражение при Понте-Нуово и освободительная борьба практически закончилась. Какая сейчас обстановка на острове никто из членов экипажа не знал, поэтому все так обрадовались возможности оказаться дома и узнать о судьбе родных и близких.

По нашей совместной легенде, Антонио за время плаванья разбогател и выкупил у прежнего владельца корабль. Печать капитана была у нас, а составить купчую, по его словам, было легче легкого, так как муж его родной сестры был стряпчим и обязательно ему поможет. Что касается меня, то я остался русским, покинувшим родину и собирающимся покорять Новый свет. Самая простая и надежная легенда – та, в которой максимум правды.

Форма бедняги лейтенанта Франсуа Дюгарри нашла свое последнее пристанище на дне Средиземного моря, а я облачившись в отличного качества одежду Джованни Агости-ни наслаждался на палубе, не по сезону жарким, средиземноморским солнышком, когда впередсмотрящий прокричал земля – впереди Корсика. Пройдя еще миль тридцать вдоль западного побережья острова, вечером 20 декабря 1769 года «Барракуда» бросила якорь в порту Аяччо.

Бухта, в которой обосновался порт, была немного похожа на Геленджикскую, но Геленджикская определенно больше и красивее. Городок, по моему не очень авторитетному мнению, был типичным провинциальным средиземноморским городком с малоэтажной застройкой, пальмами и невысокими горами на заднем плане. Отдав необходимые распоряжения и распустив большую часть команды по домам, Антонио и я двинулись к дому его сестры Марии. Родители Антонио и Марии умерли, а сам он семьей еще не обзавелся, поэтому его собственный дом сейчас пустовал и делать там было нечего. Ну, и второй причиной, наверняка, было желание Антонио, во избежание проблем, быстрее оформить корабль, в чем я его горячо поддерживал. У меня на Антонио были большие планы.

Сказать, что двадцативосьмилетняя черноволосая красавица Мария обрадовалась появлению Антонио, значит ничего не сказать. Все-таки, южные люди, это южные люди – такой спектр и такую интенсивность эмоций мне никогда не воспроизвести. А уж когда собралась вся большая семья, в составе мужа и четверых детей Марии (пятым она была беременна), что здесь началось – это просто «тушите свет».

Минут через десять накал страстей спал и очередь дошла до меня. Антонио представил меня как мы договаривались

и добавил, что я ему очень помог в одном деле и он очень мне обязан. После этих слов небольшой ураган положительных эмоций и удивления от появления русского человека на Корсике настиг и меня. Но когда начала представляться семья Марии пришел мой черед удивляться.

– Карло Буонапарте! – представился глава семьи и продолжил, – Моя жена Мария, а это наши детки – Элиза, Жозеф, Луи, Каролина и Наполеон! – перечислил он четверых ребят по уменьшению их возраста и нежно погладил, при слове Наполеон, супругу по объемному животу. Карло говорил покорсикански, а Антонио переводил на английский, но я и без перевода разобрал имена домочадцев Карло, и при соединении в голове слов «Корсика», «Буонапарте» и «Наполеон» меня чуть удар не хватил. Я, не историк и в подробностях биографию Наполеона Бонапарта не знал, но несколько деталей мне были известны, а именно – родом он был из Аяччо, имя было достаточно редкое и летом 1785 года, в возрасте пятнадцати лет, он поступил на военную службу, то есть родился в конце 1769 или в начале 1770 года.

– Простите Карло за неожиданный вопрос! – решил я окончательно развеять свои сомнения, – В Аяччо есть еще семья с фамилией Буонапарте?

– Увы господин барон, к сожалению родственников по моей линии не осталось ни в Аяччо, ни на Корсике! А почему вы спрашиваете? – удивился Карло.

– Чепуха, подумалось, что читал где-то, в газете кажет-

ся, наверное там была похожая фамилия! – спрыгнул я с темы и постаравшись не проявить своего временного смятения, наговорил Марии кучу комплиментов, потрепал детишек по головам и извинился за отсутствие подарков.

Все сходится, сомнений нет, таких совпадений просто не бывает. После произошедшего, хочешь – не хочешь, начнешь верить в высшие силы, предназначение, судьбу, карму и так далее по списку. Как там говорил Бунша – «У Шпака магнитофон, у посла медальон», так и у меня – вначале Пугачев, потом Потемкин, а теперь и Наполеон.

На фоне Карло и Антонио, они оба были небольшого роста, смуглыми и черноволосыми, то есть типичными итальянцами, я выглядел как белая лысая скала, поэтому копии отца – Жозеф и Луи, семи и пяти лет, тут же, под свое непрерывное щебетание, оккупировали мои плечи. Минут тридцать я катал их, крутил на руках в разных плоскостях и под конец, к их неопишуемому восторгу, немного аккуратно повалял, предложив им нападать на меня врукопашную.

Через полчаса нас пригласили на обед из вкуснейших морепродуктов и отличного вина, который прошел, как в официальных новостях – в теплой и дружественной обстановке. Семья болтала непрерывно, я расслабился, впервые за долгое время почувствовав себя как дома, и периодически от-

вечал на вопросы о России и своей жизни. Закончив обед, Карло и Антонио, сославшись на неотложные дела, прошли в кабинет хозяина, а Мария, принявшись хлопотать по хозяйству, предложила мне передохнуть на веранде.

Пройдя на веранду с бутылкой вина и разместившись на удобном плетеном кресле, я получил возможность немного отдохнуть от непрерывного шума, создаваемого семьей, и обдумать сложившееся положение и свои дальнейшие планы. Я, конечно, не физиономист, но даже мне было заметно, что, несмотря на искреннюю радость от приезда Антонио, Карло во время обеда был немного напряжен и периодически уходил в, наверняка, мало приятные раздумья. Для меня это было важно в контексте дальнейшего взаимодействия с Антонио по вопросу моего возвращения домой. Но все эти тактические вопросы меркли на фоне вопроса стратегического – я, русский офицер, вижу женщину, носящую под сердцем ребенка по имени Наполеон Бонапарт, ставшего в том мире причиной первой глобальной войны и сожжения Москвы – Что делать???

Немного поломав голову, я решил расслабиться и последовать старой армейской мудрости, которая гласит, что половина задач нахрен не нужны, а другая половина решается сама собой. Не успел я прикончить бутылку вина, которую дала мне с собой Мария, как на веранде появились Карло и Антонио, только теперь обеспокоенными выглядели оба. Решив закончить с этими корсиканскими страстями, я встал с

кресла и, глянув Антонио в глаза, повелительно сказал.

— Карло, Антонио, садитесь и рассказывайте о проблемах, которые написаны крупными буквами на ваших кислых лицах, как говорят русские — две головы хорошо, а три лучше, уверен, что вместе мы сможем найти приемлемое решение! Обращайтесь ко мне Иван Николаевич, не нужно титулов!

Антонио перевел мои слова Карло, тот задумался на мгновение и решительно замахал головой.

— Я уже рассказывал вам Иван Николаевич про битву при Понте-Нуово, так вот, после того поражения Паскуале Паоли и его ближайшие соратники бежали в Англию. Эти люди принадлежат к самым богатым семьям Корсики, которым принадлежит большая часть земель и богатств на острове. С целью приобретения лояльности оставшейся местной знати, французы разрешили произвести передел собственности беглецов, но для этого нужны документы на эту собственность, а Карло был доверенным лицом Паскуале Паоли и вел все его дела. Недавно к Карло пришли представители нескольких семей и пригрозили ему проблемами для него и его семьи, если он не отдаст им документы. Карло, конечно, сказал, что документов у него нет, но они поставили ему срок в две недели для их поиска. Срок заканчивается через пять дней!

Блядь, ну ничего нового! Опять передел власти и собственности, я в силу возраста девяностые годы не захватил, но рассказов от старших товарищей и фильмов про то время

услышал и увидел достаточно!

– Я даже не буду спрашивать есть ли у Карло эти бумаги или нет, опыт подсказывает мне, что шансов остаться в живых у него нет при любом стечении обстоятельств. Если бумаг нет – его убьют из злости, а если есть – как опасного свидетеля! – расстроил я и так кислых парней и, вспомнив про сицилийскую вендетту, спросил.

– Антонио! А обычай кровной мести на Корсике существует?

– Конечно Иван Николаевич, а к чему вы спросили?

– Ну вот вам и ответ на вопрос про судьбу семьи, никто не станет оставлять в живых кровников! – мои слова окончательно деморализовали собеседников.

– А ну не киснуть! – привлек я их внимание, – Можно, конечно, пойти и всех убить, сколько у тебя есть пистолетов Карло? – по мере перевода моих слов глаза у Карло становились все больше и больше.

– У Карло есть пара пистолетов, но он мирный человек, никого не убивал и не очень хочет убивать! – перевел Антонио.

– А если это нужно для того, чтобы твоя семья выжила? Ладно, не кисни, я убью всех сам, а тебе оставляю одного подранка, сам зарежешь! – продолжил я воспитательную работу.

– Я готов! – после минутного раздумья, с вызовом ответил Карло.

– Такой ты мне больше нравишься Карло, настоящий мужчина, только это не поможет! Мы можем убить всех мужчин этих семей, но это значит получить кровников для себя, или вырезать всех членов семей, от мала до велика, на что уже я пойти не могу – я солдат, а не маньяк! – опять шокировал я собеседников.

– Так что же делать Иван Николаевич! – прокричал, находящийся на грани истерики, Антонио.

– Я вижу один выход, бежать! – ответил я.

– Куда бежать, у нас никого нет, Мария беременна, она не сможет! – увидел я как загорелся и погас огонек надежды в глазах Карло.

– Ну точно не в Новый свет Карло, по правде говоря, я тоже туда не собирался, я возвращаюсь домой в Россию, у меня есть некоторые связи при дворе императрицы Екатерины и земли с крестьянами на юге, поэтому я приглашаю вас в Россию! – в очередной раз огорошил я Карло.

Глава 7 Таинственный груз

Кратко рассказав притихшим парням основные вехи путешествия в Стамбул и свои дальнейшие планы, я решил следовать народной мудрости и предложил Карло не торопиться с ответом, посоветоваться с супругой и завтра утром, на свежую голову, расставить все точки над «ё». Допив вино и посидев еще немного на веранде, я тоже пошел спать.

Утром, после завтрака, Карло пригласил нас с Антонио в свой рабочий кабинет и, находясь во взвинченном состоянии, начал разговор.

– Иван Николаевич, мы с Марией решили – если это единственный способ спасти наших детей, мы готовы поехать хоть на край света, но до окончания срока осталось всего четыре дня, а необходимо столько всего сделать!

– Очень хорошо Карло, что вы прислушались к моим словам, это действительно единственный способ, но если вы хотите, чтобы наше рискованное предприятие увенчалось успехом, вам не следует ничего делать!

– Но почему? – посмотрел на меня недоуменно Карло.

– Да потому, что за вами могут следить, я бы точно не оставил вас без присмотра, и если они поймут, что вы готовитесь бежать, то все – конец! Поэтому, ваш единственный шанс – сделать в точности как я скажу, никакой самостоятельности, понятно! И самое главное – детям пока ни слова, раз-

глашение информации о наших планах – это смертный приговор для нас всех! – заставлял я парней.

Увидев утвердительные кивки Карло и Антонио, я приступил к постановке задач. А задач, несмотря на мои слова, что ничего делать не нужно, нам предстояло выполнить немало.

Пока Карло оформлял бумаги на новый корабль Антонио, переименованный по моему предложению в «Аврору», мы с новоиспеченным судовладельцем пошли в порт. Почему в «Аврору» – во-первых, красиво – Богиня утренней зари, а во-вторых, это удачливое имя – наш знаменитый крейсер «Аврора» один из немногих кораблей тихоокеанской эскадры, переживших злополучное сражение в Цусимском проливе, а удача нам точно понадобится! Оказавшись на корабле, Антонио поставил задачу переделать название на корме корабля, благо большинство букв можно было использовать повторно, а также сказал, что на груз специй нашелся покупатель, при условии срочной доставки в Марсель, и объявил о выходе в море через три дня. Оставив Антонио заниматься подготовкой к выходу в море, я пошел обратно к дому семьи Буонапарте. Мне требовалось выявить слежку за домом или убедиться в ее отсутствии. Подойдя со стороны соседней улицы и убедившись, что вокруг никого нет, я залез на высокое густое дерево с мясистыми темно-зелеными листьями

и принялся оглядывать окрестности.

Минут тридцать ничего подозрительного не наблюдалось, но когда я уже было решил, что наблюдения нет, со стороны порта появился подозрительный тип, зыркающий в сторону дома Буонапарте, и свернул в проулок на противоположной стороне улицы, а через пару минут оттуда появился другой, но удивительно похожий на первого, тип. Походу у них там наблюдательный пост, отлично. Всегда лучше знать где находится твой враг, чем пребывать в иллюзиях того, что ты в безопасности. Понаблюдав еще полчаса и убедившись, что больше ничего подозрительного в поле зрения нет, я слез с дерева и сделав большой крюк, вернулся к дому прогулочным шагом.

Вернувшись в дом, я немного побесился с пацанятами, потом вернулся из порта Антонио и мы сели обедать. После обеда я собрал всех взрослых в кабинете Карло и еще раз провел инструктаж, с учетом появившейся информации о слежке за домом. Карло и Мария, уже свыкшиеся с мыслью о покидании родного дома, были серьезны и деловиты. Я попросил их расслабиться и вести себя как обычно, представив, что через три дня они пойдут на обычную морскую прогулку. Мне же предстояло придумать, как организовать эвакуацию группы, членами которой являлись беременная Мария и маленькие дети. Задача не из простых. Можно было, конечно, попробовать нахрапом – сесть всем в экипаж и ломануться в порт, но я был далек от мысли, что у местных

богачей не найдется корабля способного догнать «Аврору». Рисковать понапрасну жизнями детей, да и своей, мне не хотелось, поэтому будем действовать тихо.

Вечером, накануне дня «Д», на улице Святого Антония появилась телега с тремя мужчинами и остановилась у дома Буонапарте. Двое из них прошли в дом, а возница остался на месте. Через пару минут из проулка появился соглядатай и завел с ним разговор, используя для этого самый универсальный на свете повод – дай-ка, дядя огоньку. Посмотрев в окно и убедившись, что все идет как задумано, я дал отмашку на продолжение представления. Грузчиков, ждавших в прихожей, провели в комнату Антонио и показали им сундук, который следовало забрать. Погрузив с использованием корсиканской ненормативной лексики тяжеленный сундук, грузчики с унылым видом уселись на телегу и поехали к дому Антонио, им еще предстояла разгрузка.

Выбравшись через черный ход на соседнюю улицу, я проследовал к дому Антонио и проследил за разгрузкой, а потом, тоже через черный ход, пробрался в дом. Запирать дома здесь было не принято, поэтому грузчики самостоятельно занесли сундук в дом, а сам Антонио находился в порту и готовил корабль к выходу. Карло, бывший этим самым грузом, уже выбрался на свет божий и забивал сундук веща-

ми Антонио. Закончив в доме, мы направились в порт. Там, Карло, прикинувшись грузчиком, с мешком на плечах прошел на борт, а я, проконтролировав этот момент, вернулся к дому Антонио. Если все пойдет по моему плану, то к дому Антонио должны пожаловать гости. Так и произошло. Ближе к ночи, перед домом Антонио появилась парочка молодых парней и, убедившись в отсутствии свидетелей, прошла внутрь. Минут через двадцать парни, посмотрев на тряпки в сундуке, вышли и растворились в темноте.

Утро 24 декабря 1769 года в доме семьи Буонапарте началось как обычно – мы позавтракали, я вышел с пацанятами на веранду, а Мария хлопотала по дому. Ближе к обеду, к дому подкатил открытый экипаж с Антонио в салоне и через двадцать минут Мария с радостной детворой грузилась в карету. Соглядатай, естественно, вышел из тени и внимательно наблюдал за происходящим. Мария, перед посадкой в карету, окликнула соседку и поделилась с ней, крича на всю улицу, новостями о том, что Карло приболел, а она с детьми едет смотреть новый корабль ее брата Антонио, который стал важным человеком – капитаном и судовладельцем. Я же в это время продолжал сидеть на веранде с бокалом воды, подкрашенной вином.

Экипаж двинулся в порт, а соглядатай, проводив его взглядом, скрылся в тени. Просидев на веранде минут сорок, я, пошатываясь и изображая опьянение, зашел в дом. Все, дальше предстояло действовать быстро. Забрав послед-

ний мешок с детскими вещами, остальные вещи, деньги и документы понемногу вывез на корабль Антонио, приезжая на обед и ужин, я выбрался проторенной дорожкой на соседнюю улицу и быстрым шагом направился в порт. Через полчаса «Аврора» подняла паруса и вышла в море. Прощай Корсика!

Интерлюдия Зимний дворец

В то время как «Аврора» с Викингом и семьей Наполеона Бонапарта на борту, уходила прочь от Корсики навстречу неизвестности, карета с Румянцевым и Потемкиным, оставив Гнома, как и в прошлый раз в его особняке, двигались по Невскому проспекту навстречу славе и почестям.

Учитывая статус просителей, аудиенция у государыни императрицы была назначена немедленно. Встретивший Румянцева и Потемкина на парадной лестнице Зимнего дворца обер-гофмейстер императрицы Иван Перфильевич Елагин, повел их в Тронный зал.

– Как здоровье у государыни императрицы, как настроение? – начал светскую беседу Потемкин.

– Слава богу, Григорий Александрович! Её величество пообедали недавно и занимаются чтением докладов из Сената, а вы какие новости привезли? – спросил Елагин, зная, чем занимался Потемкин, так как сам поспособствовал его назначению спецпосланником.

– Думаю, что хорошие Иван Перфильевич! Только вот беда, графа Крымского турки арестовали, когда мы в ставке у великого визиря были! – поделился Потемкин.

– Какая неслыханная дерзость, так с посланником государыни императрицы обойтись! – покачал головой Елагин и переключил свое внимание на Румянцева, – Наслышан о

ваших блестящих викториях Петр Александрович, позвольте выразить вам свое искреннее восхищение! – сделал он небольшой поклон.

– Славные виктории, славные, Иван Перфильевич! Все благодаря русскому солдату, вот кто заслуживает настоящих почестей! – вздохнул Румянцев.

В это время они подошли к дверям Тронного зала и остановились. Елагин, несмотря на возраст, скользнул невесомой тенью за дверь и через мгновение двери открылись, приглашая Румянцева и Потемкина внутрь.

– Григорий Александрович, не томите, рассказывайте про наши приобретения и не вздумайте меня расстроить! – сходу, после приветствий, взяла быка за рога Екатерина и, пребывая в прекрасном настроении, притворно пригрозила ему пальчиком.

– Слушаюсь, ваше величество, если кратко – то земли от Днестра до Кавказа, включая Крым, теперь российские, Черноморскому флоту быть, проливы открыты, ну и в довесок три острова в Средиземном море! Если государь император Петр Великий «окно в Европу прорубил», то вы, ваше величество, «дверь в Средиземное море распахнули»! – торжественно доложил Потемкин.

Екатерине понравилось сравнение с великим предком, хоть и по царской линии, на которого она старалась равняться в деле управления государством, и она, улыбаясь, обратилась к Румянцеву.

– О ваших Петр Александрович великих викториях спрашивать покуда не буду, доклады ваши читывала, да и фельд-маршальский жезл уже при вас, потому благодарю вас за прославление силы русского оружия по всей Европе! Дорога была дальняя, не буду вас более задерживать господ, отдохайте, а завтра на заседании Совета расскажете обо всех делах. Ступайте!

Не успели Румянцев и Потемкин поклониться и сделать пару шагов к выходу, как Екатерина окликнула Потемкина.

– Григорий Александрович, а куда вы спрятали графа Крымского, я ведь его вам в помощь отрядила по вашей просьбе? Петр Александрович, а вы ступайте! – отправила она Румянцева, остановившегося вместе с Потемкиным.

– Прошу меня простить Ваше величество, думал отдельно доложить. Если вы позволите, то я начну с начала...! – рассказал Потемкин о нападении в Хаджимусе и поездке в Бухарест, – Граф Крымский расценил стычку и арест, как сознательную провокацию, и просил меня не вмешиваться, а исполнять свой долг, и теперь ему, видимо, грозит смертельная опасность, ваше величество!

– Какая неслыханная дерзость! Они ответят мне за это! – вспыхнув румянцем, с негодованием воскликнула Екатерина.

– Если позволите высказать свое мнение, ваше величество, – дождавшись утвердительного кивка, Потемкин продолжил, – Думаю, что граф Крымский прав, это сознатель-

ная провокация и именно такую реакцию они от вас и ожидали, поэтому нам следует действовать с холодной головой!

– Хорошо Григорий Александрович, завтра обсудим это на Совете, а что за предложения по Речи Посполитой, поясните еще раз!

– В разговоре с австрийским послом, граф, используя «свое особое знание», вынудил его признать наличие контактов между Берлином и Веной по вопросу отчуждения части территорий Речи Посполитой в Галиции и Померании в их пользу! Намекнув послу, что Россия может как помочь им в этом деле, так и помешать, мы смогли отбить попытку австрияка влезть посредником в наши переговоры с турками и застолбили часть земель Речи Посполитой на правом берегу Днепра за нами, теперь вы можете завершить этот раздел, списавшись с императором Фридрихом! – провел Потемкин линию разграничения Хотин-Винница-Киев, о которой условились с австрияком, на карте, – Это еще сто пятьдесят тысяч десятин земли, с русскими людьми, которые весьма удачно прибавляются к северному причерноморью, забранному у турка, ваше величество!

Глава 8 по лезвию тесака

Выйдя из Аяччо на север, следуя легенде про Марсель, через некоторое время мы резко повернули на юго-запад и двинулись к Гибралтару. Называется «ищи ветра в поле». Команда, конечно, была немного расстроена краткосрочностью отпуска, но полученное в прошлый раз солидное жалование скрашивало их горести и настраивало на позитивное будущее. Поэтому объявление капитана Рамолино, о том, что мы идем в Россию, где груз специй, имеющийся на борту, будет стоить в пять раз дороже, чем во Франции, вызвало положительный отклик в душах матросов. Осталось только доплыть, зимняя Атлантика – это серьезно!

С нашей автономностью по запасам воды, составляющей до семи дней, мы могли пройти без пополнения запасов до тысячи-тысячи двухсот миль, но с учетом детей на борту лучше не рисковать и спланировать более короткие переходы. С такими исходными данными мы и принялись составлять план похода «за семь морей». Первую остановку спланировали острове Мальорка, в полуторасуточном переходе от Корсики. По легенде мы ведь собирались в Марсель, поэтому создание максимальных запасов воды и провизии могло ей навредить. После Мальорки – Лиссабон, далее Кале, датские проливы и наконец Россия. Учитывая, что на дворе зима спланировать конечный пункт путешествия было

невозможно. Финский залив, вроде бы замерзает зимой, а что по другим портам – я не знаю. Значит будем действовать по обстановке. Всего-то и делов – три с половиной тысячи миль на деревянной лодке водоизмещением в триста тонн, совершенно не предназначенной для таких переходов. Хорошо, что никто не понимал во что мы ввязываемся, иначе мы никогда бы не решились на эту авантюру.

Пополнив на Мальорке запасы воды и провизии, двинулись к Гибралтару, где по словам Антонио и других членов команды была наибольшая вероятность нарваться на берберийских пиратов, действующих с берегов Магриба, то есть Алжира и Марокко, поэтому вся команда была на взводе. Но, через трое суток показалась Гибралтарская скала, или просто Скала на морском жаргоне, один из знаменитых с античных времен Геркулесовых столпов, а пиратов на горизонте пока не наблюдалось. После беспрепятственного прохода пролива и выхода в Атлантический океан мы уже почувствовали себя практически в безопасности, как вдруг раздался крик впередсмотрящего – «Корабль справа по борту».

Корабль двигался от побережья Испании наперерез нашему курсу и минут через тридцать стало понятно, что это «жжж...» неспроста, они идут наперехват. Достав трофейную подзорную трубу, я внимательно рассмотрел пресле-

дователя. На мой сухопутный взгляд, корабль практически близнец нашей «Авроры» – такой же двухпалубный корабль, может чуть покрупнее, с шестью пушками по борту, только на юте, по бокам от штурвала имеются две дополнительных малокалиберных пушки на вертлюгах и флаг не обещающий встречным кораблям ничего хорошего – черно-зеленое полотнище с черепом в чалме и саблями по центру, а также полумесяцами и арабской вязью по краям.

– Какие будут предложения, капитан! – спросил я у замершего с подзорной трубой Антонио.

Несмотря на свою молодость, Антонио вполне уверенно управлял кораблем и командовал опытными возрастными матросами. Спасибо капитану Джованни Агостини, дал возможность получить опыт. Но здесь ситуация была насквозь нестандартная и молодой парень немного растерялся.

– Может быть у нас получится уйти! – как бы убеждая самого себя, проговорил Антонио.

Но эту надежду тут-же разрушил боцман Луиджи, суровый дядька с огромной бородой, стоящий неподалеку от нас и тоже наблюдающий за перехватчиком.

– Капитан, у него на гроте и фокке на один парус больше, нам не уйти! – сплюнул боцман за борт, – Но за счет длинных мачт, его будет сильнее кренить в поворотах, мы сможем лучше маневрировать!

Услыхав перевод слов боцмана, я начал судорожно выстраивать в голове тактику предстоящего боя. Значит, по

словам боцмана, нам нужно маневрировать, но это путь в никуда – маневрировал, маневрировал, да не выманеврировал. Если сбежать нельзя, обороной бой не выиграть, нужно, как нас учил в том мире Суворов и еще будет учить в этом, удивить противника. Рассматривать бой в стиле «игры в Чапаева» я не собирался, после такой перестрелки, даже у победителя будет мало рабочего такелажа. Для пирата, базирующегося поблизости, это еще приемлемо, но нам ведь до Питера пилить. Поэтому, нужно постараться избежать с помощью маневрирования обмена пушечными ударами, а в это время постараться нанести противнику повреждения, которые заставят его выйти из боя. Отличная мысль сэр – извольте приказать принести гранатомет!

Только у нас нет гранатомета. Тупик – начал было отчаиваться я, но в это время подсознание вывело на свет мысль, которая уже долго мелькала на периферии, не давая мне покоя – малокалиберные пушки на юте!

– Капитан, а вон те маленькие пушки на юте у пирата! – показал я подзорной трубой, – Они ведь крутятся во все стороны?

– Обычно да, а вы что-то придумали господин барон! – приободрился Антонио.

– Одну минуту капитан, ведь она у нас есть? – с надеждой посмотрел я на Антонио, продолжая выстраивать в голове схему атаки.

В это время капитан, взявший себя в руки, отдавал указания по перекладке руля и мы, весьма элегантно, ушли с траектории движения пирата, заставив его разворачиваться и терять время на разгон. Пираты даже сделали залп из бортовых орудий, впрочем, изначально не имевший шансов на успех ввиду запредельной дистанции. Но пираты не сдавались и на прямой уверенно нагоняли нас.

– Антонио, если мы сможем пройти у него за кормой в непосредственной близости, у нас есть шанс! Вы сможете это сделать и не попасть под бортовой залп? – кинул я «спасательный круг».

Посоветовавшись пару минут с боцманом и рулевым, Антонио дал мне утвердительный ответ и я быстро поставил ему задачу.

– Отлично капитан, теперь мне нужны пара «кошек», пятток стрелков с ружьями на ют, десяток пистолетов и соберите, пожалуйста, команду на палубе, я собираюсь провернуть одно рискованное дело и мне нужен доброволец, себя Антонио прошу не предлагать, капитан у нас один!

Через пару минут все было готово и, окинув взглядом смотрящих на меня с надежной моряков, я начал свою речь, которую переводил Антонио.

– Команда, говорят, что корсиканцы отчаянные парни, так вот, я собираюсь залезть этому дьяволу в самую глотку! – по-

казал я рукой на пирата, – Нами будут восхищаться во всех портовых кабаках по обе стороны Атлантики, хотя весьма вероятно, что посмертно! Но, несмотря ни на что, я верю в успех! Бог помогает храбрым! Мне нужен храбрец, умеющий стрелять из пушки и желающий стать русским дворянином! Обещаю личную аудиенцию у российской императрицы Екатерины Второй, слово барона фон Штоффельна, графа Крымского!

А что, гулять, так на «всю зарплату», думаю Григорий Александрович порешает, осталась сущая безделица – «заколбасить» пиратов и доплыть до Питера, подумал я, и в этот момент из задних рядов вышел щуплый парнишка лет двадцати и гордо вскинув голову заявил.

– Я готов господин барон! Меня зовут Джованни Бальдини, я два года ходил на галеоне помощником канонира!

Внешний вид Джованини не «внушал», но жизненный опыт говорил мне, что это не главное – главное Дух, а у парня с этим, видимо, все в порядке, да и ситуация не располагала к привередничанью. Пират нагонял, а добровольцев больше не появлялось.

Для подготовки к аванюре, задуманной мной, много времени не понадобилось. Учитывая, что на задании мы с Джованни будем глухонемые, Антонио перевел ему мои инструк-

ции и показал несколько знаков для взаимодействия. Затем, с помощью веревочных перевязей закрепили на груди и спине пистолеты, из десятка которых пару я отдал Джованни, а остальные оставил себе – его работа пушка. Кроме пистолетов взял стилет и пару метательных ножей. Антонио предлагал саблю или палаш, но я отказался, во-первых, я не фехтовальщик, а во-вторых, там этого добра будет навалом, да и при десантировании не будет мешаться. Команда стрелков в количестве восьми стволов заняла позиции на юте, укрывшись от пиратских глаз и пуль за импровизированной баррикадой из ящиков. Теперь оставалось уповать на мастерство капитана и рулевого. Если у них не получится, тогда и я ничем помочь не смогу.

Игра в кошки-мышки продолжалась уже минут двадцать, и вот на очередном развороте, когда пират зарывшись носом в волну, потерял ход, Антонио ювелирно вывел нас туда, куда нужно. Можно было, конечно, не лезть к черту на рога и попробовать ударить им по корме из бортовых орудий, но низко расположенная пушечная палуба, вкупе с высокой волной, могла привести к затоплению «Авроры». Слаженный залп, выскочивших из укрытий стрелков, снес находящихся на юте пиратов, и наступил самый рискованный этап операции – когда мы будем беззащитными висеть на веревках за кормой пиратского корабля, а наше прикрытие будет испаряться, по мере удаления «Авроры». К счастью, фортуна нам сегодня благоволила!

Пираты, находящиеся на верхней палубе, открыли беспорядочный ружейный огонь, по показавшей им свою корму «Авроре», а я, пользуясь шумовым прикрытием, поднялся до уровня ограждения и увидел, что на месте убитых членов команды появилась замена – двое у штурвала и по одному у каждого из орудий, и все смотрят в сторону «Авроры». Рывком перебросив тело через ограждение, сблизился с ближним пушкарем, который лишь в последний момент обратил на меня внимание, и ударил его стилетом в живот. Схватив его за грудки и прикрывшись им, как щитом, я выстрелил в дальнего пушкаря, который, получив пулю в грудь, завалился на ограждение и упал за борт. Минус два.

В это время Джованни тоже оказался на юте и, стоявшим у штурвала, пиратам пришлось разделиться. Один с обнаженным тесаком двинулся к Джованни, а второй выстрелил из пистолета в меня. Попал он, естественно, в своего мертвого товарища, а я только и ждал этого момента. Бросив труп, я перекатом сблизился со стрелком и пока он пытался вытянуть из-за пояса тесак, всадил ему стилет в пах. В это мгновение сбоку раздался выстрел и бросив туда взгляд, я с удовлетворением увидел, что пират готов, а Джованни бежит к пушке. Показав ему кулак с поднятым большим пальцем, я тоже бросился к своей пушке.

Мой план был до безобразия прост – добраться до пушек и открыть огонь картечью по верхней палубе пиратского корабля. Немного побить пиратов и повредить такелаж, а за-

тем, испортив штурвал, свалить. Все! Пока я брал в ящике картуз с порохом и поджигал штурвал, Джованни начал уничтожение всего, что находилось на верхней палубе. Несмотря на небольшой калибр, миллиметров в шестьдесят, кинжальный огонь картечью наносил чудовищные разрушения. Опомнившиеся пираты начали отвечать из ружей, но тут подключился я, ударив с другого фланга. Перебитый такелаж начал развеваться на ветру как змеи, сделав корабль похожим на медузу Горгону. Ход, потерявшего часть парусного вооружения и неуправляемого, корабля резко упал, штурвал пылал и я понял, что пора сваливать. В этот момент, пираты, собравшиеся в мертвой зоне под ютом, перешли в контратаку. Сметя их первую волну картечью, и понимая, что перезарядиться нам не дадут, я окликнул Джованни и показал ему знак отхода. Бросившись вслед за ним, прикрывая наш отход огнем из последних пистолетов, я заскочил на ограждение и уже когда находился в воздухе, меня все-таки настигла пуля!

Глава 9 Путь домой

Мне снился кошмар... или я в нем жил... или вообще творилось черт знает что. Я находился на юте корабля, а за ограждением, цепляясь за него из последних сил, висел Карло Буонапарте и звал на помощь. Слов я не разбирал, но это и так было понятно. Я пытался броситься ему на помощь, но у меня будто гири на ногах висели, и к тому моменту, как я добирался до ограждения, Карло уже срывался и падая в темноту, воды я не видел, кричал, почему-то, по-русски – «Позаботься о семье»! И так, раз, за разом!

Пытаясь в очередной, тысячный или стотысячный, раз поймать руку Карло, я неожиданно разобрал новые голоса, доносящиеся у меня из-за спины и понял, что мне нужно именно туда, так я смогу выполнить последнюю волю Карло, раз уж не могу помочь ему самому. Я остановился и посмотрел на Карло, висящего за ограждением. Вдруг он улыбнулся, кивнул головой, в знак согласия со мной, и сам разжал руки...

Повернувшись назад, я увидел густой туман и больше ничего. Двинувшись вперед, я почувствовал сопротивление и, несмотря на нарастающую боль, стал продираться сквозь туман. Пройдя еще несколько шагов, я вдруг заметил, что кисть правой руки моего местного тела начала становиться полупрозрачной, будто истончаться. Терпеть боль станови-

лось уже невыносимо, но я был уверен, что иду в правильном направлении, и осознал закономерность – шаг вперед, усиление боли, истончение тела. Значит, когда это тело закончится, я вырвусь отсюда – только куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.